

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

(Продолженіе)¹⁾

Бѣдствія отъ нашествія татаръ повторялись въ Кіевѣ не разъ и въ послѣдующіе три вѣка, именно около 1300 года, когда Кіевъ «разбѣжался, не стерпя насилія татарскаго», въ 1399 г. во время нападенія Эдигея на Кіевъ и въ 1484 году, въ нашествіе Менгли-Гирея. Но промыслъ Божій хранилъ печерскую обитель отъ конечнаго разоренія и въ эти бѣдственныя времена, а иногда она послѣ разоренія какъ бы воскресала изъ своего пепла. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія и факты. Если спустя 10 лѣтъ послѣ разоренія Кіева Батыемъ существовалъ кіево-выдубецкій монастырь, въ которомъ останавливался галицкій князь Даніилъ Романовичъ въ 1250 г., слѣдуя въ орду; то могла тогда уже безопасно собраться на своемъ мѣстѣ и братія печерскаго монастыря. Если въ 1251 году митрополитъ кіевскій Кириллъ находилъ возможнымъ прибыть въ Кіевъ и не только посѣтитъ его вновь въ 1274 и 1277 г., но совершать здѣсь, въ софійскомъ соборѣ, хиротонію епископовъ для Владиміра на Клязьмѣ и Новгорода, если въ 1280 г. онъ даже завѣщаль перевозити тѣло свое по смерти изъ Владиміра Суздальскаго въ Кіевъ для погребенія въ св. Софіи; то и Печерскій монастырь могъ въ то время устроиться хотя отчасти, въ особенности когда татаре отошли отъ Кіева на Волынь и въ

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., майск. кн., стр. 26—44.

Галицкую землю. О возможно большей или меньшей безопасности Кіева и его населенности вновь въ концѣ XIII вѣка свидѣтельствуютъ также двухлѣтнее (въ 1283 и 1284 г.) пребываніе въ Кіевѣ митрополита Максима, созваніе имъ здѣсь въ 1284 г. собора епископовъ, совершавшіяся въ Кіевской Софіи въ 1288 и 1289 г. хиротоніи епископовъ на кафедры владимірскую и ростовскую и пребываніе митрополита Максима въ Кіевѣ до 1300 года. Не въ пустой Кіевъ вошелъ и Гедиминъ, литовскій князь въ 1321 году, послѣ разбитія имъ русскихъ князей на р. Ирпени, близъ Бѣлгородки: ему сдѣлана здѣсь торжественная встрѣча духовенствомъ и народомъ. Еще болѣе стало безопаснымъ положеніе Кіева при владычествѣ Гедимина (1321—1345) и его преемникахъ Ольгердѣ (1345—1377 г.), Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, когда Кіевъ имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей въ лицѣ Владимира Ольгердовича (1362—1392), Скиргелла Ольгердовича (1392—1392 г.), Олельба Владиміровича (1435—1455 г.), Симеона Олельковича (1455—1471 г.), когда Кіевъ посѣщали и въ немъ жили, иногда по-долгу, митрополиты Θεогностъ (1328—1331 г.), Алексѣй (1356—1358,) Кипріанъ (1375—1381 г. 1388—1390 г., 1396—1397 и 1405—1406 г.) и Фотій (1409 и 1411 г.). Съ этимъ согласны и немногія историческія свидѣтельства о состояніи печерскаго монастыря въ XIV и XV вѣкахъ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ половинѣ XIV вѣка юный тверской княжичъ, прїдя въ печерскую обитель, видѣлъ здѣсь иноковъ, «сіяющихъ добродѣтелями, яко звѣзды на тверди небесной.» Въ 1446 г. князь Андрей Владиміровичъ, сынъ Владимира Ольгердовича, прїѣзжалъ въ печерскій монастырь съ женою и дѣтьми на поклоненіе и здѣсь написалъ свое духовное завѣщаніе; въ 1377 году видимъ архимандрита печерскаго монастыря Давида духовникомъ жены великаго литовскаго князя Ольгерда, Іуліаніи; въ 1438 г. приходитъ въ печерскій монастырь на покой отъ славныхъ военныхъ подвиговъ князь острожскій Θεодоръ Даниловичъ и здѣсь, «оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу,» постригается въ иноки подъ именемъ Θεодосія, «угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою укра-

шаючи»; въ половинѣ того-же XV вѣка митрополитъ Фотій пишетъ въ печерскую обитель два посланія, изъ которыхъ видно, что въ ней было значительное число братіи и что она находилась въ благоустроенномъ видѣ. Въ особенно благоустроенный видъ приведена она была при кievскомъ князѣ Симеонѣ Олельковичѣ въ 1470 году благочестивымъ усердіемъ сего князя; тогда возобновлена великая печерская церковь, украшена стѣннымъ иконнымъ писаньемъ и обогащена золотомъ, серебромъ и дорогими св. сосудами при архимандритѣ Іоаннѣ. Не прошло однако и 14 лѣтъ послѣ торжества о семъ возобновленіи, какъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, взявши Кіевъ и разоривъ его въ 1483 году, сжегъ, ограбилъ и разорилъ печерскій монастырь съ его посадами, при чемъ погибла монастырская казна и всѣ дорогіе сосуды, которые тщетно старался спасти печерскій архимандритъ. Скоро ли послѣ этого бѣдствія могла оправиться печерская обитель, неизвѣстно; но все же не лишена была способовъ къ поддержанію своего храма въ благолѣпії и къ пропитанію братіи, такъ какъ великая печерская церковь еще съ XIV вѣка сдѣлалась усыпальницей многихъ княжескихъ и другихъ знатныхъ родовъ. Въ ней погребены кievскіе удѣльные князья: *Владиміръ Ольгердовичъ* (1392 г.), *Скиргелло Ольгердовичъ* подлѣ гроба преподобнаго Феодосія (1394 г.), *Александръ* или *Олелько Владиміровичъ* (1455 г.), *Симеонъ Олельковичъ* (1471 г.), и ихъ потомки: *Василь Симеоновичъ*, сынъ Симеона Олельковича, правнукъ Владиміра Ольгердовича (1495); *Георгій*, сынъ Юрья Олельковича, князь Слуцкій (1579 г.); *Софія Олельковна*, супруга князя Януша Радзивилла, верховнаго подчашаго великаго князя литовскаго съ однолѣтнею своею дочерью Еватериною (1612 г.); гетманъ великаго княжества литовскаго, воевода трокскій, князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій* (1533 г.), супруга его, княгиня Острожская *Татьяна* (1531 г.), князья *Корецкіе* *Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ* и *Ефимій Богушъ-Феодоровичъ*, волынскій воевода (1576 г.), потомки князи Дмитрія Ольгердовича, князья *Вишневецкіе*: *Михаилъ Корибутовичъ*, каштелянъ кievскій, староста каневскій и черкасскій (1584 г.), *Александръ Алексан-*

дровичъ Корибутовичъ (1577 г.), его теща, жена брацлавскаго воеводы, княгиня Анна Шимковна *Капустина* (1577 г.), князья изъ потомковъ Ольгерда *Феодоръ* и *Андрей Сангушки*; князья *Полубенскіе*: *Андрей Феодоровичъ*, правнукъ *Андрея Ольгердовича*, погребенный подлѣ князя *Владимира Ольгердовича*, сынъ его *Василій*, староста мстиславскій, маршалокъ гродненскій, умершій въ половинѣ XVI вѣка; *Левъ Васильевичъ* и *Иванъ*, убитый подъ г. Бѣлой, при изгнаніи королевича *Владислава* изъ Москвы; *Александръ Иловскій*, воевода полоцкій (1555 г.); *Тышкевичи*: *Иванъ*, бывший въ половинѣ XV вѣка печерскимъ архимандритомъ, *Янъ Гуринскій* *Миновичъ Львовичъ Тышкевичъ*, староста черныбыльскій (1563 г.); каштелянша брацлавская, старостина овручская *Анна Симеоновна*, кондреевская монахиня (1577 г.); *Ельцы*—*Дмитрій Кіевскій*, писарь, и его жена *Марія Олизаровна*, дѣдъ его, черныбыльскій староста *Яковъ* и сыновья *Дмитрія*: подстолій кіевскій *Филиппъ* и *Иванъ* (1603 г.); маршалокъ и писарь королевскій *Иванъ Копецъ*, *Гаврило Меновичъ Богданъ Гоецкій* (1517 г.), бурмистръ г. Могилева *Василій Якимовичъ* (1620 г.), мужъ твердый въ вѣрѣ и испытанный въ храбрости *Симеонъ Лыко* (1621 г.), *Донгинъ Суринъ* (1552 г.), *Андрей Суринъ* (1557 г.), и брацлавскій хорунжій и твердый христіанинъ *Николай Шашквичъ* (1624 г.). Надъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ *Василій*, сынъ князя *Симеона Александровича*, былъ темновидный саркофагъ; былъ также памятникъ надъ могилой *Софіи Олельковны*, а гробница князя *Михаила Вишневецкаго* была мраморная, какъ видно изъ Тератургимы *Кальнофойскаго*. Ляссота, жившій въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка, видѣлъ въ великой печерской церкви у стѣны каменный оштукатуренный склепъ, въ которомъ погребены кіевскіе князья. Всѣ гробы княжескіе и панскіе были накрыты покрывалами изъ бархата и другихъ дорогихъ матерій, какъ значитса въ описи печерскаго монастыря, составленной въ 1554 году. Изъ того-же реестра открывается, что, кромѣ выше поименованныхъ лицъ, въ великой печерской церкви погребены еще: супруга князя *Свидришайла*

Ольгердовича Анна ¹⁾, князя *Острожскіе* Илія Константиновичъ и Михаилъ; князь *Слуцкій*, князь *Добровицкій*, князя *Голшанскіе*, князя *Горскіе*, панъ Евстафій *Дашкевичъ*, княгиня *Мстиславская* и князь *Одинцевичъ-Багриновичъ*. Такимъ образомъ великая печерская церковь къ концу XVI вѣка представляла внутри себя какъ бы почетное кладбище, на которомъ надгробія тѣснились одно подлѣ другаго, подобно гробницамъ великихъ московскихъ князей и царей въ московскомъ архангельскомъ соборѣ.

Съ умноженіемъ знатныхъ гробницъ въ Печерскую обитель поступали и въ ней умножались приношенія за упокой усопшихъ не только денежныя, но и состоявшія въ земельныхъ угодіяхъ. Въ этомъ удостовѣряють хранившіяся въ ней и поименованныя въ реестрѣ 1554 года: *привилеи* князя Константина и княгини Маріанны Семеновой Острожскихъ, князя Андрея Каширскаго, князя Θεодора Ярославича, князя Семена Алгимунтовича, князя Юрія Юрьевича, князя Семена Львовича, князя Юрія Семеновича, княгини Софіи Дмитріевны, ²⁾ князя Василя Юрьича, князя Ивана Федоровича Мошковскаго, княгини Ульяны Юрьевны, княгини Семеновой-Семеновичевой, князя Богуша Корецкаго, вдовы князя Ярослава Матвѣича, пана Юрія Ивановича Зеновевича и старицы Пелагіи; *духовницы* или *завѣщанія*: пани Маріи Егковны, пана Семена Сколковича, Льва Тишкевича, пана Ивана Дашкевича; листъ, на пергаменѣ писанный, княгини Софіи Дмитріевны; *листы*: пани Уліаніи Ивашковой, князя Михаила Львовича Глинскаго, пана Михаила Павши, княгини Уліаніи Ивановны, Юрьевича Лубьеневича, княгини Анны Свидригайловой, княгини Маріи Васильевны Михайловичъ, князя Ивана Семеновича Кобринскаго, князя Соколинскаго, князя Семена Юрьевича, князя Дмитрія Путятича, боярина Комара, пани Кгалтовнѣ, князя Θεодора Андреевича Володимірскаго, князя

¹⁾ Лочь тверскаго князя Бориса.

²⁾ Супруги кiev. князя Владиміра Ольгердовича, дочери великаго московскаго князя Дмитрія Донскаго.

воеводы кіевскаго Немировича, пана Михаила Павловича, княгини Маріи Михайловой, пани Марьяны Василевой, пана Ивана Борейшевича, хорунжаго Василитскаго, Льва Федоровича Соколинскаго, старосты могилевскаго пана Боки и овручскаго старосты пана Есиѳа (Осипа) Халецкаго. А въ описи имущества, принадлежавшаго печерскому монастырю въ 1593 году, значится, что въ его владѣніи были тогда два города—Радомысль и Васильковъ, до 50 большихъ селъ и около 15 селищъ и деревень въ разныхъ мѣстностяхъ западной Россіи, съ рыбными ловлями, рѣчными перевозами и мельницами, медовыми и грошевыми даньми и бобровыми гонами ¹⁾. Кромѣ всего этого, печерскій монастырь, какъ видно изъ описи 1554 года, имѣлъ еще въ XV вѣкѣ дозволеніе пріѣзжать въ Москву для сбора пожертвованій. При такихъ пособіяхъ архимандритъ Иларіонъ успѣлъ около 1555—1556 года обновить зданіе великой печерской церкви. Такимъ образомъ печерская обитель и въ самыя бѣдственныя времена юго-западнаго края Россіи не лишена была средствъ къ безбѣдному существованію.

Избавившись отъ татарскихъ нападений и разореній, кіево-печерскій монастырь въ концѣ XVI вѣка подвергся большой опасности со стороны польскаго правительства, которое насильно вводя унію съ римскою церковію въ подчиненныхъ ему русскихъ областяхъ, требовало, чтобы православныя церкви и монастыри признали надъ собою власть измѣнившихъ православію епископовъ и митрополита. Еще до начала брестскаго собора 1596 г., король Сигизмундъ III и папа Климентъ VIII постановили подчинить уніатскому кіевскому митрополиту печерскую архимандрію, числившуюся тогда въ непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, а измѣнившій православію митрополитъ Михаилъ Рогоза, послѣ брестскаго собора, испросилъ у короля повелѣніе, чтобы печерскій монастырь со всѣми имѣніями былъ переданъ въ непосредственное его вѣдѣніе, съ устраненіемъ печерскаго архимандрита Никифора

1) Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. I, № 91.

Тура, явившагося поборникомъ православія на брестскомъ соборѣ; уже назначены были и лица, имѣвшіе привести это королевское повелѣніе въ исполненіе: мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка и кievскій возный Романъ Овсяный; но печерская капитула съ монахами и вооруженными людьми не пустила маршалка и вознаго въ монастырь. „Есть у насъ архимандритъ и другаго не нужно намъ; отступника Рогозу не признаемъ митрополитомъ и не допустимъ передачи ему монастыря,“ отвѣчала монашествующая братія. Безуспѣшно кончилась и вторичная попытка уніатовъ овладѣть печерскимъ монастыремъ въ 1598 г., когда новою королевскою грамотою передача эта была поручена дворянину Яну Кошицу. Кошиць нашелъ монастырскія ворота запертыми, а предъ воротами нѣсколько сотъ вооруженныхъ козаковъ, гайдуковъ и слугъ монастырскихъ, съ капитулою, съ попомъ Давидомъ, палатнымъ Іоною, корчемникомъ Іоною и діакономъ Іоною во главѣ, которые на предложеніе Кошица отвѣтили: „ни какихъ листовъ слышать не хотимъ, монастырь охраняемъ и охранять будемъ, и передать оный митрополиту не допустимъ.“ Не удалось уніатскимъ митрополитамъ Михаилу Рогозѣ, Іпатію Поцѣю и Вельямину Рутскому овладѣть и имѣніями печерскаго монастыря. Никифоръ съ помощію козаковъ и монастырскихъ крестьянъ выгонялъ митрополичьихъ урядниковъ. Наконецъ Іпатій Поцѣй въ 1605 г. при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на имѣнія печерскаго монастыря, находившіяся въ коронѣ польской, удержавъ за собою лишь имѣнія въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1615 г. при томъ же архимандритѣ м. Вельяминѣ Рутскій отказался и отъ имѣній печерскихъ, находившихся въ Литвѣ.

Отстоявъ свои имѣнія и свою независимость отъ власти измѣнившихъ православію митрополитовъ, печерская обитель, въ началѣ XVII в., съ титуломъ лавры и ставропигіи константинопольскаго патріарха, начинаетъ новую просвѣтительную дѣятельность ко благу православной церкви и въ защиту православнаго народа отъ римскаго лжеученія. При архимандритѣ Ели-

сеѣ Плетенецкомъ учреждается въ печерскомъ монастырѣ ученое братство и заводится типографія для печатанія книгъ православныхъ богослужебныхъ и вообще духовнаго содержанія; архимандритъ Захарія Копыстенскій, поддерживая учрежденія своего предшественника, издаетъ въ защиту православія свою „Палиндію;“ Петръ Могила при самомъ печерскомъ монастырѣ учреждаетъ училище, которое потомъ соединяетъ съ училищемъ киево-братскимъ и преобразовываетъ въ коллегію. Наконецъ съ половины XVII вѣка, поступивъ подъ власть російскихъ государей, киево-печерская обитель совершенно успокоивается отъ многовѣковыхъ тревоженій, притѣсненій, обидъ и разореній.

Положеніе киево-печерской лавры въ половинѣ XVII вѣка довольно обстоятельно представлено діакономъ Павломъ, спутникомъ антиохійскаго патріарха Макарія, который прибылъ въ Кіевъ въ 1653 году, почти наканунѣ его воссоединенія съ Россіей. Изъ его описанія можно видѣть, что печерская обитель находилась тогда въ достаточно благоустроенномъ видѣ. Она была окружена значительнымъ населеніемъ, состоявшимъ отъ 4 до 5 тысячъ домовъ, при которыхъ были обширные сады шелковичныхъ и миндальныхъ деревьевъ. Всѣ эти дома принадлежали крестьянамъ печерской лавры. Монастырскія святыя ворота съ свято-троицкою церквою вверху были выштукатурены и побѣлены. Отъ св. воротъ къ великой церкви тянулись въ два ряда чистыя и красивыя келліи монашествующихъ, съ палисадниками при каждомъ изъ нихъ и съ огородами съ задней стороны. Помѣщеніе каждаго монашествующаго (вѣроятнѣе только начальствующихъ или должностныхъ лицъ) состояло изъ трехъ чистыхъ комнатъ, расписанныхъ масляными красками и прилично мебелированныхъ. Кромѣ внѣшнихъ садовъ, было два прекрасныхъ садика внутри самаго монастыря, въ которыхъ были цвѣты, кустарники и лучшія фруктовыя деревья. Богослуженіе совершалось въ 23 церквахъ. На встрѣчу патріарху отъ печерскаго монастыря къ чертѣ города, у нынѣшней васильковской плотины на р. Лыбеди, выслана была золотая карета, обитая внутри малиновымъ бархатомъ. У св. воротъ встрѣтили его 8 паръ

іеромонаховъ и 4 діакона въ однообразныхъ облаченіяхъ съ иконами, евангеліями, дорогими крестами и кадильницами въ рукахъ. Послѣ краткаго молитвословія въ главномъ храмѣ, патріарху и его свитѣ предложено въ трапезѣ обильное угощеніе, состоявшее изъ разнообразныхъ кушаньевъ и сластей, меду, пива и вина собственныхъ виноградниковъ. Столовые принадлежности, какъ то миски, блюда и ложки были серебряныя. Великая церковь и церковь св. апостолъ Петра и Павла при настоятельскихъ покоехъ отличались благолѣпнымъ видомъ. Сзади великой церкви находились, при ея углахъ, двѣ деревянныя колокольни. Одна изъ нихъ довольно значительной высоты, съ витой лѣстницей внутри, съ пятью колоколами и съ желѣзными часами, на которыхъ отбивались не только часы, но и четверти; съ наружной стороны колокольни находились солнечные часы. На другой, значительно меньшей колокольнѣ висѣлъ одинъ большой колоколъ, который во время звона раскачивали четыре человекъ. Воздвиженская церковь надъ входомъ въ ближнія пещеры была о 2-хъ куполахъ и имѣла весьма красивый иконостасъ, царскія врата коего были такъ искусно вызолочены, что казались сдѣланными изъ чистаго золота. Богослуженіе отправлялось и въ пещерныхъ церквахъ. Кровля настоятельскаго дома имѣла форму купола съ парапетомъ, съ котораго можно было любоваться богатыми видами на берега Днѣпра. Монастырская библіотека, состоявшая изъ рѣдкихъ книгъ, помѣщалась въ ряду братскихъ келій. Братіи въ печерскомъ монастырѣ за два года предъ тѣмъ было до 500 человекъ, но изъ нихъ оставалось къ пріѣзду патріарха не болѣе 200, а до 300 человекъ сдѣлались жертвою моровой язвы. Клобуки монашествующихъ были съ опушкой изъ бархатнаго плюша и покрыты черной крепой, которая опускалась на глаза и стягивалась пуговицей на подбородкѣ. Митрополитъ, епископы и архимандритъ носили золотые наперсные кресты, подпоясывались бѣлыми кушаками и были одѣты въ расы съ подкладкой синяго цвѣта на полахъ. Настоятели монастырей и старшіе изъ братіи употребляли камышовыя палки съ серебряными набалдашниками и съ желѣзнымъ остриемъ на нижнемъ концѣ. На одной створѣ

воротъ, которыми входили въ больничный монастырь, были изображены: богачъ, сидящій за столомъ и пьющій вино съ друзьями богача, и Лазарь, просящій милостыни у дверей и изгоняемый друзьями богача; на другой створѣ Лазарь, сидящій на землѣ, окруженный собаками, которыя лижутъ его язвы и струпь; подлѣ Лазаря ангелъ смерти. Къ срединѣ воротъ была прикрѣплена кружка для сбора пожертвованій въ пользу призрѣваемыхъ въ больницѣ. Въ типографскомъ домѣ, находившемся вблизи великой церкви, печатались богослужебныя книги, а также планы областей и городовъ, изображенія святыхъ и академическія извѣстія. Противъ св. воротъ печерскаго монастыря находился женскій *Вознесенскій монастырь*, въ которомъ было болѣе 60 монахинь и воспитывалось большое количество дѣвочекъ-сиротъ.

Ни внѣшній, ни внутренній видъ великой лаврской церкви не описаны діакономъ Павломъ, но понятіе о современномъ состояніи этого храма въ первой половинѣ XVII вѣка можно составить по рисункамъ на выходныхъ листахъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ тогда въ кіево-печерской типографіи. Такіе рисунки имѣются на выходномъ листѣ «Учительнаго Евангелія» 1623 г., при книгѣ: «Главизны поучительны» Агапита діакона 1628 года и на планѣ кіево-печерской лавры, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго *Тературима*, изд. 1638 года. Изъ нихъ видно, что великая печерская церковь въ это время, какъ и въ древности, была только съ двумя куполами, большимъ на срединѣ церкви и малымъ на Предтечевскомъ придѣлѣ, и имѣла три закругленія на восточной своей сторонѣ. Съ сѣверной и южной ея сторонъ находились позднѣйшія низкія пристройки въ видѣ палатокъ. Въ палаткѣ, находившейся впереди южныхъ дверей великой церкви, была церковь св. Іоанна Богослова, а въ палаткѣ, сзади тѣхъ дверей, гдѣ нынѣ ризница лаврская, былъ придѣлъ во имя святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Изъ двухъ пристроекъ, бывшихъ на сѣверной сторонѣ, въ западной, прилегавшей къ Предтечевскому придѣлу, помѣщалась усыпальница господъ Ельцовъ съ церковью,

а передняя или восточная служила общей усыпальницей, въ которой хранились во множествѣ бранные останки князей, гетмановъ, воеводъ, пановъ и другихъ знатныхъ особъ. Были двѣ не большія пристройки и съ западной, лицевой стороны великой церкви, также въ видѣ палатокъ, съ двухскатными крышами и съ крестами вверху; назначеніе ихъ неизвѣстно, по всей вѣроятности это были надгробія знатныхъ лицъ. Послѣ 1638 года и вѣроятноже всего при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ († 1644 г.), сохранявшемъ за собою званіе священно-архимандрита кіево-печерской лавры. великая печерская церковь преобразовалась въ болѣе нарядный видъ о 5 куполахъ съ малою главною на фронтонѣ, впереди главнаго купола, а подъ крестомъ этого купола, на шейкѣ, наставлена малая глава. Въ такомъ видѣ печерская церковь отгравирована на лаврскомъ «Панагіаріонѣ» 1655 года и на выходномъ листѣ книги *Пречестныи каноны и акаѳисты*, изданной въ лаврской типографіи 1677 года. Съ юго-восточной стороны великой церкви стояла довольно широкая, подъ двухъ-ярусной кровлей, деревянная колокольня, въ родѣ тѣхъ старинныхъ колоколенъ, прорѣзанныхъ рядомъ оконъ на всѣ четыре стороны, которыя еще и теперь можно встрѣтить при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ кіевской епархіи. Въ послѣдней четверти XVIII вѣка великая печерская церковь получила новое измѣненіе во внѣшнемъ своемъ видѣ. Къ ней пристроенъ, на юго-западномъ углу, придѣлъ во всю ея высоту, въ размѣрѣ соответствующемъ Предтечевскому придѣлу, находящемуся на сѣверо-западномъ углу, чрезъ что церковь получила болѣе равномерную форму; особое отличіе этого новаго придѣла составляетъ крестообразное окно на лицевой сторонѣ. Каплицы, бывшія внизу западной стѣны великой церкви, замѣнены длиною во всю ея ширину и низкою папертью, съ 4 входными дверьми и шестью надъ ними, овальными окнами; по окраинѣ этой паперти придѣланы щиты, увѣнчанные шестью крестами. Въ такомъ видѣ великая печерская церковь изображена на выходномъ листѣ Евхологіона, изданнаго въ 1708 году въ кіево-печерской типографіи. Въ томъ же видѣ она написана масляными красками на

доскѣ, служащей центральною иконой въ Антоно-Θеодосіевскомъ придѣльномъ иконостасѣ кіево-софійскаго собора. Здѣсь можно видѣть, что кровля церкви была окрашена въ коричневый цвѣтъ, и всѣ ея главы были вызолочены. Въ этомъ послѣднемъ видѣ, великая лаврская церковь оставалась до 1718 года.

Состояніе кіево-печерской лавры во 2-й половинѣ XVIII вѣка было тревожное. Въ особенности безпокойнымъ было ея положеніе въ 1673 году во время открывшейся войны Россіи съ турками; печерскій архимандритъ съ братією молили тогда государя отпустить имъ „изъ кіевской государевой казны пушекъ, зелья, пороху, свинцу, ядеръ, сколько Господь Богъ на сердцу извѣститъ дати на время тревожливое, дондеже оно милосердіемъ Божиимъ мимоидеть, чтобъ еси имѣли чѣмъ паки и отъ наименьшаго непріятельскаго находа боронитца.“ Въ такомъ же состояніи чрезъ три года былъ и весь Кіевъ, по взятіи Чигирина турками, но тогда искали преимущественно духовной помощи, совершая воаругъ Кіева крестные ходы съ чудотворной печерскою иконой Божіей Матери. Для успокоенія печерской обители отъ подобныхъ тревогъ на будущее время, гетманъ Иванъ Самойловичъ оградилъ ее въ 1679 г. земляными валами, которые въ 1706—1713 году, по указу Петра I-го, возобновлены въ лучшемъ видѣ и составили нынѣшнюю печерскую крѣпость. Въ 1711 году перешли въ нее на жительство и кіевскія власти: начальникъ губерніи и начальникъ края съ губернскою канцелярією, устроившись подъ лаврской оградой, противъ Воскресенской церкви. Прилагая не менѣе Самойловича заботъ о безопасности кіево-печерской лавры, гетманъ Мазепа въ 1696 г. обвелъ ее высокою и толстою, каменною стѣною съ башнями на юго-западномъ и сѣверо-восточномъ углахъ, а надъ экономическими воротами соорудилъ пяти главую церковь во имя сошествія св. Духа. За двойною земляною и каменною стѣнами, подъ охраной русскаго орла, восторжествовавшаго надъ всѣми внѣшними и внутренними врагами Россіи, казалось, кіево-печерская обитель могла успокоиться совершенно отъ многовѣковыхъ, нерѣдко постигав-

нихъ ее бѣдъ. Но въ 1718 году постигло ее новое, страшное несчастье: въ ночь съ 21 на 22-е апрѣля пожаръ, начавшійся внутри великой церкви, истребилъ всю ея утварь вмѣстѣ съ древнимъ иконостасомъ и древнѣйшими иконами, бібліотеку, архивъ и типографію. Отъ великой церкви остались лишь обгорѣлыя стѣны и чудотворная икона Божіей Матери, исхищенная изъ огня съ нѣкоторою утварью. Два года оставалась церковь въ такомъ жалкомъ состояніи, пока щедротами вѣнценоснаго Монарха и усердными приношеніями православныхъ дана была возможность приступить въ 1722 году къ ея возобновленію. Обновленіе продолжалось 7 лѣтъ и въ 1729 году, 14 августа, обновленная великая церковь освящена торжественно преосвященнымъ кіевскимъ архі-епископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ съ епископами черниговскимъ Иларіономъ и переяславскимъ Іоакимомъ, при участіи архимандрита кіево-печерской лавры Іоанникія Сенютовича. При этомъ послѣднемъ обновленіи великой печерской церкви всѣ пристройки, бывшія въ видѣ отдѣльныхъ налатокъ или часовень съ западной, сѣверной и южной ея сторонъ, сломаны, на мѣсто ихъ какъ на западной сторонѣ, вправо отъ входныхъ дверей, такъ и на сторонахъ сѣверной и южной сдѣланы двухъ этажныя пристройки въ уровень съ древними стѣнами церкви, съ закругленіями на восточной сторонѣ, и вверху по краямъ кровли съ 3-хъ сторонъ поставлены каменные щиты, украшенные живописью и лѣпными орнаментами. Но какъ боковыя придѣлы затемняли собою среднюю часть храма, то для освѣщенія ея верхнія части сѣверной и южной стѣнъ великой церкви выломаны въ видѣ большихъ арокъ, образовавъ собою боковые хоры, которыхъ прежде она не имѣла. Такимъ образомъ, съ сѣверной стороны, на мѣстѣ двухъ малыхъ церквей или каплицъ гг. Ельцовъ и Корецкихъ, устроены въ нижнемъ этажѣ придѣлъ во имя св. архидіакона Стефана, а въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣлъ во имя Преображенія Господня; съ южной стороны, на мѣстѣ также малыхъ двухъ каплицъ, устроены въ нижнемъ этажѣ два придѣла: трехсвятительскій, обращенный въ

послѣдствіи въ ризницу, и Іоанно-Богословскій къ востоку отъ южной входной двери, а надъ ними, въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣль во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ послѣдующіе за тѣмъ 150 лѣтъ XVIII и XIX вѣка кіево-печерская лавра обстроилась каменными зданіями для братскихъ келлій, типографіи, гостинницы и разныхъ складовъ, въ замѣнъ прежнихъ деревянныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).